ГЛАВА 10

Экзаменатор третьего этапа, Бай Пу, уже прибыл. Минь Сюцин шагнул ему навстречу и негромко произнес:

— После второго испытания осталось семьсот двадцать три человека. В этот раз попалось немало перспективных юнцов. Глава секты велел отобрать лишь сотню, и мне кажется, что так мы упустим многих талантливых ребят.

— На прошлых двух наборах распоряжался старейшина Янь, — отозвался Бай Пу. — Его суровость общеизвестна, так что многие попросту испугались и не пришли. Тогда удавалось набрать от силы два десятка учеников. В этот раз старейшина Янь ушел в медитацию, и, раз он не возглавляет комиссию, желающих попытать счастья прибавилось. К тому же многие кланы прознали, что Бессмертный владыка Нин Фэн может взять нескольких учеников на пик Рицзин. Естественно, каждый хочет ухватиться за такой шанс.

Среди мастеров Бессмертной секты Даньцянь владыка Нин Фэн не обладал высочайшим уровнем совершенствования, однако пользовался невероятным уважением и любовью.

Причин тому было несколько. Во-первых, он обладал врожденным Телом Бессмертного: даже просто находиться рядом с ним было полезно, не говоря уже о чести служить его прямым учеником. Во-вторых, некогда он был небожителем в Высших мирах; его кругозор, жизненный опыт и доступ к ресурсам не шли ни в какое сравнение с возможностями обычных великих мастеров Великого мира Яньу. В-третьих, ходили слухи, что он до сих пор поддерживает связи со многими небожителями — а в делах совершенствования связи никогда не бывают лишними. В-четвертых, в его распоряжении находились легендарные техники, позволявшие обучать каждого ученика индивидуально, направляя его по самому подходящему пути; ярким примером тому служил Истинный владыка Чан Е. Ну и наконец, пятой причиной было то, что владыка Нин Фэн славился своей красотой, а статному красавцу всегда симпатизировали больше, чем, к примеру, вечно небрежному и косматому старейшине Яню.

Минь Сюцин согласно кивнул:

— Этот поток и впрямь хорош. Я даже видел твоего младшего брата, он показывает отличные результаты. Вот только он все время крутится подле одного безвестного практика. Тебе стоит к нему присмотреться.

— Как раз из-за его участия я говорил наставнику, что мне не пристало курировать третий этап, — вздохнул Бай Пу. — Но тот заверил, что в этом нет ничего зазорного. Пришлось согласиться.

Минь Сюцин ободряюще улыбнулся:

— С духовным корнем твоего брата он мог бы войти в секту и без всяких испытаний, никто бы и

слова не пикнул. К тому же я вижу, что его Дао-сердце весьма твердо.

Когда Минь Сюцин ушел, Бай Пу переместился к краю площади и поднялся на крышу величественного зала. Облаченный в черные одежды, украшенные тем же изысканным узором, что и у его предшественника, он неподвижно замер на лазуритной черепице.

Заметив появление нового экзаменатора, практики на площади заволновались. Цзюнь Чи и Бай Цзянь прервали медитацию и поднялись на ноги.

— Видишь? — прошептал Бай Цзянь, горделиво кивнув в сторону крыши. — Это мой старший брат. Впечатляет, правда?

Цзюнь Чи покосился на него:

— Не боишься болтать об этом? Услышит кто — скажут, что ты прошел по знакомству.

— Брось, — отмахнулся Бай Цзянь. — Большинство отпрысков великих семей и так знают моего брата в лицо. К тому же мой талант и уровень развития — не тайна. Если уж я не пройду, то кто тогда?

Цзюнь Чи лишь коротко хмыкнул, признавая его право на подобную уверенность. Хвастовство Бай Цзяня не вызывало неприязни — в нем чувствовалась искренняя, бьющая через край удаль. Однако тот тут же подпортил впечатление, добавив:

— Раз уж я такой выдающийся, ты просто обязан отдать мне Хэй Батяня.

— Его зовут Лэ Бан, — устало поправил Цзюнь Чи. — У всей его семьи фамилия Лэ. Не надо переименовывать чужих питомцев. Его род, между прочим, весьма именит, это не какая-нибудь безродная лесная нечисть.

— Лэ Бан… Тоже звучит неплохо, но как-то простовато, не хватает мощи, — протянул Бай Цзянь. — Этот «Бан» звучит слишком обыденно. Знаешь, меня ведь раньше звали Бай Цин, но я решил, что «Цин» — это слишком пресно. «Цзянь» — совсем другое дело: Меч! Острота, мощь, доминирование. Имя определяет судьбу, хорошее имя — это уже половина успеха.

— Что ж, — философски заметил Цзюнь Чи, — твоя «острота» тебе и впрямь под стать.

— Я тоже так считаю! — радостно закивал Бай Цзянь, не заметив иронии.

Цзюнь Чи лишь промолчал.

Среди собравшихся на площади практиков многие узнали экзаменатора. По толпе пробежал шепот:

— Это же Бай Пу, наследник главной ветви семьи Бай. Старший ученик пика Чэнгуан в Бессмертной секте Даньцянь. Восьмисотлетний мастер стадии Трансформации Души — по таланту он лишь немногим уступает Истинному владыке Чан Е.

— Но ведь здесь его младший брат, Бай Цзянь. Как он может быть судьей? Это же неслыханно!

— Говорят, в этот раз мест будет много, одним Бай Цзянем больше, одним меньше — никакой разницы. У секты свои расчеты.

— Хотелось бы верить. В прошлые два раза обещали набрать сотню, а в итоге взяли по двадцать человек, да и в Бессмертную секту Даньцянь попали единицы. Может, в этот раз и впрямь повезет?

— «Сотня» — лишь условность. Я слышал, если попадутся достойные люди, возьмут всех, кто пройдет испытания. Даньцянь — великая секта с историей в сотни тысяч лет, они не станут марать репутацию ради кумовства.

С этими доводами большинство неохотно согласилось.

Бай Пу, стоя на крыше зала, заговорил. Голос его, усиленный магией, разнесся над площадью:

— Второй этап преодолели семьсот двадцать три человека. Поздравляю каждого из вас. Я — экзаменатор третьего испытания, Бай Пу. Под моим надзором вы пройдете следующую проверку.

Толпа мгновенно смолкла. Даже самые дерзкие практики притихли, внимая его словам.

Восьмисотлетний мастер Трансформации Души не был чем-то сверхъестественным, однако Бай Пу был мечником, чей замысел меча достиг пятого уровня. Внешне он казался мягким, но в бою его клинок был беспощаден и стремителен, за что он и получил прозвище «Меч Ваньцзюнь». На прошлом Великом состязании Яньу, будучи еще на пике стадии Зарождения Души, он занял восемнадцатое место. Поскольку секта Даньцянь не специализировалась на пути меча, он по праву считался лучшим мечником своего поколения в секте.

Впрочем, поговаривали, что истинно величайшим мечником Даньцянь был сам Нин Фэн, хотя никто никогда не видел его с клинком — ходили слухи, что его божественный меч был утрачен, и с тех пор он не прикасался к другому оружию.

Становилось ясно: чем дальше, тем более грозные противники будут стоять перед кандидатами. Участники уже гадали, не станет ли судьей четвертого этапа сам Истинный

владыка Чан Е, а финальное испытание наверняка возглавит кто-то из старейшин Бессмертной секты Даньцянь.

— Третий этап, как и второй, посвящен осознанию своей сути, — продолжал Бай Пу. — Вам предстоит пройти через Зал Отсечения Лжи и Сохранения Истины. Я буду ждать вас на той стороне. У вас есть один час. Те, кто не успеет выйти в срок, будут отправлены обратно на берег моря Юэлин.

Он вежливо кивнул, и легким жестом направил магический жетон в сторону массивных ворот. Зал Отсечения Лжи бесшумно распахнулся.

Практики один за другим начали исчезать в темном зеве входа. Цзюнь Чи, Бай Цзянь и присоединившаяся к ним Цяо Шиюнь вошли в зал вместе. Но едва они переступили порог, пространство вокруг дрогнуло. На мгновение Цзюнь Чи охватило головокружение; он едва не рухнул, но волевым усилием заставил себя удержать равновесие.

Сомнений не оставалось: внутри зала была развернута мощная формация. Оглядевшись, Цзюнь Чи понял, что остался совершенно один.

Его окружало бесконечное белесое марево. Куда ни глянь — ничего, кроме этой ослепительной белизны.

Ни звука, ни дуновения воздуха. Он чувствовал, что стоит на твердой поверхности, но само ощущение соприкосновения с полом казалось иллюзорным.

Сделав несколько неуверенных шагов, Цзюнь Чи осознал страшную правду: все его чувства, кроме зрения, были отключены. Белизна не имела границ, в ней не за что было зацепиться взглядом, не было видно ни стен, ни выхода.

Он заставил себя двигаться вперед, но с каждой минутой тишина и пустота давили всё сильнее. Без звуков, без тактильных ощущений, без запахов он начал терять чувство собственного тела. Ему стало казаться, что он сам — лишь сгусток света в этом молочном тумане, лишенный плоти и крови.

Тревога переросла в ледяной ужас.

«Кто я? Существую ли я на самом деле? Почему я ничего не чувствую, кроме этого безмолвного сияния? Был ли я когда-нибудь реальным?»

Он пытался вспомнить подробности своей жизни, но память ускользала, словно песок сквозь пальцы. Имя, цель, прошлое — всё тонуло в белом мареве.

Цзюнь Чи в изнеможении опустился на колени — или ему так показалось, ведь он не

чувствовал тяжести своего тела.

«Что я такое? Живое существо или просто случайная мысль в пустоте?»

Прошла вечность или всего лишь миг, когда в глубине его сознания затеплилась искорка.

«Как я могу не существовать? Пока у меня есть это осознание — осознание самого «Я», — я существую. Я — господин этой мысли, и в этом моя истина».

«Я — это Я. Я отличаюсь от этого белого тумана. Я уникален, и у меня есть свой путь, который я должен подтвердить своим существованием».

Постепенно страх перед небытием начал таять. Вдалеке вспыхнул крохотный, необычайно яркий огонек. Цзюнь Чи устремился к нему. Лишенный осязания, он не шел — он словно плыл, скользил сквозь пространство, влекомый этим светом. Огонек превратился в очертания дверного проема. Цзюнь Чи рванулся вперед, мир вокруг него бешено закружился, и в следующее мгновение он кубарем вылетел наружу.

Удар об землю был чувствительным. Несмотря на крепость тела практика, Цзюнь Чи ощутил резкую боль.

Но именно эта боль принесла невероятное облегчение. Чувства возвращались лавиной: он вспомнил свое рождение, Лю Гуйхая, Цзюнь Яня, годы в семье Лю, бездну Божественного Дракона… Вспомнил смерть брата, свое прибытие в Великий мир Яньу и то, зачем он здесь оказался.

Он медленно поднял голову. Перед ним расстилалась небольшая площадь, в центре которой росли две древние священные липы. Их могучие стволы, казалось, вобрали в себя мудрость тысячелетий, а раскидистые кроны укрывали землю густой тенью. На одной из массивных ветвей, скрестив ноги, сидел Бай Пу. Его взгляд был спокойным и отстраненным.

На площади был еще один человек. Он уже успел расстелить циновку и с невозмутимым видом уселся на нее для медитации. Это был молодой господин Кунсюй.

Заметив, что вторым испытание прошел Цзюнь Чи, Кунсюй на мгновение замер от удивления, но тут же отвел взгляд, предпочтя игнорировать конкурента.

В присутствии высокоуровневого мастера любые попытки заговорить или передать мысленный сигнал могли быть перехвачены, поэтому Кунсюй хранил гордое молчание.

Цзюнь Чи поднялся и привел в порядок одежду. Он невольно подумал о том, что в излишнем самолюбии Кунсюя есть свои плюсы: в таком испытании на «истинное я» непоколебимая, почти наглая уверенность в собственном превосходстве — лучший щит против пустоты.

Обычному человеку подобная твердость духа дается куда тяжелее.

http://bllate.org/book/17440/1663309